

MICHEL N. OSSORGUINE

France

Lecture - chantée de la Prophétie d'ÉZÉCHIEL

About the artist

I am a Composer, member of SACEM, in the Classical Music category. I compose choral music, a cappella or with accompaniment. For mixed choir or for equal voices. Mainly, but not only, Russian Sacred Music. I use, most of the time, as material for my compositions, old Russian melodies that I combine with a Western-type polyphony. I systematically publish Slavonic texts using a transcription specially designed for French-speaking singers, accompanied by a pronunciation guide. You can find videos of my works on YouTube under the pseudonym Micha Ossorguine, recorded by Serguïévo, the musical ensemble that I conduct.

Qualification: Member of SACEM
Associate: SACEM - IPI code of the artist : 784755097
Artist page : <https://www.free-scores.com/Download-PDF-Sheet-Music-michelnossorguine.htm>

About the piece

Title: Lecture - chantée de la Prophétie d'ÉZÉCHIEL
Composer: Traditional
Arranger: Michel M. OSSORGUINE l'Ancien
Copyright: Copyright © MICHEL N. OSSORGUINE
Publisher: OSSORGUINE, MICHEL N.
Style: A cappella
Comment: Score of the reading - sung traditional in Slavonic, of the so-called prophecy - of the bones - of the prophecy of Ezekiel (Ez XXXVII 1-14)

MICHEL N. OSSORGUINE on [free-scores.com](https://www.free-scores.com)

- share your interpretation
- comment
- contact the artist

Три поколения Осоргиных на клиросе храма Сергиевского Подворья в Париже
Trois générations de la famille Ossorguine chantres à l'église Saint-Serge de Paris
Выпуск второй – Tome 2

Михаил Михайлович Осоргин читает
Паремию Иезекииля «о костях»

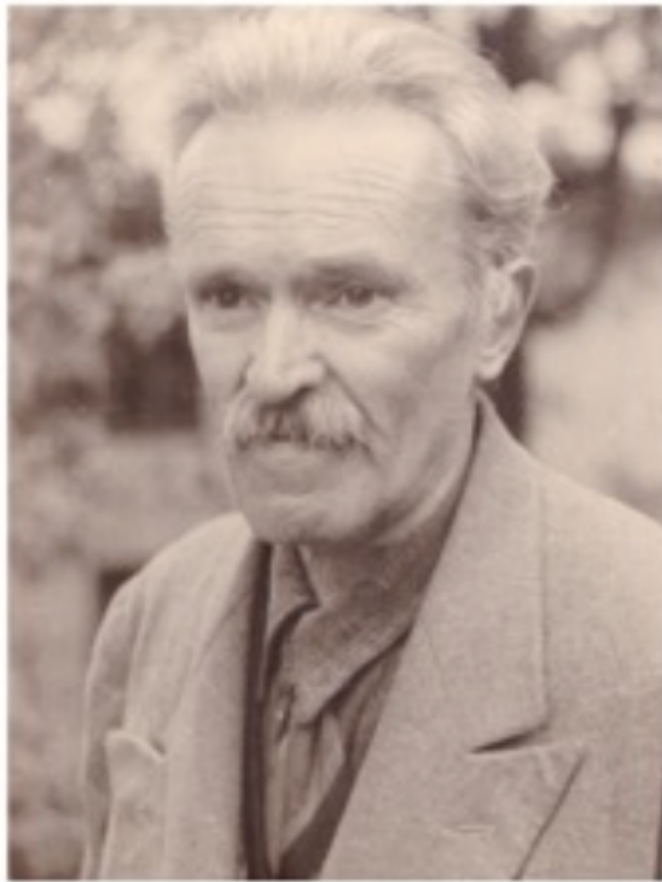

**Lecture de la prophétie d'Ézéchiel
dite « des ossements »**

par

Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine

Михаил Михайлович Осоргин
Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine
(около 1947г.)

Посвящаю эту публикацию Михаилу Алексеевичу Можайскому который настойчиво и терпеливо просил меня уже давно воскресить запись моего деда, читающего паремию Иезекииля «о костях»

Особенно благодарю Отца Бориса Бобринского и его Матушку Елену Юрьевну за их драгоценный перевод на русский язык.

Михаил Н. Осоргин

Je dédie cet ouvrage à Michel A. Mojaïsky qui m'a incité avec constance et patience, à exhumer l'enregistrement de mon grand-père lisant la prophétie d'Ézéchiel dite « des ossements ».

Je suis particulièrement reconnaissant au Père Boris Bobrinskoy et à son épouse Hélène Iourievna pour leur précieuse traduction en russe.

Michel N. Ossorguine

«Разве только чтение Михаилом Михайловичем на Утрени Великой Субботы паремии о костях пророка Иезекииля сознавалось всеми, как его личное достижение и драгоценное церковное приношение».

Священник Александр Семенов-Тянь-Шанский
«Памяти Михаила Михайловича Осоргина»
(Париж. 1951)

Историческая перспектива

Я счастлив, что могу издать звуковую запись чтения пророчества Иезекииля (гл.37, 1-14) о костях исполненного моим дедом Михаилом Михайловичем Осоргиным (1887 - 1950) и читаемого в Православной Церкви во время Утрени Великой Субботы.

Я также прилагаю слушателю воспроизведение рукописи мелодии, которая была им записана.

Эти документы свидетельствуют насколько в Западной Европе, благодаря русской эмиграции, после большевицкого переворота, укоренилась традиция приходского и монашеского пения.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), совместно с Михаилом Михайловичем Осоргиным совершили приобретение для русской общины Свято-Сергиевской горки, где были созданы приход и Богословский Институт.

Одна из деятельностей М.М. Осоргина была организация литургической жизни и восстановление многочисленных гармонизированных мелодий в службах, когда он управлял хором с 1925-го года по 1950-ый год на "святой горке".

В Западной Европе в пятидесятых годах эту мелодию о костях можно было услышать лишь в Свято-Сергиевском храме, исполненную М.М. Осоргиным.

Его манера чтения этого пророчества перед Плащаницей производила сильное впечатление на молящихся и привлекала немало верующих на службу Погребения на Свято-Сергиевском Подворье.

По разным свидетельствам слушающие пророчество чувствовали себя перенесенными на поле, покрытом костями и к их собственному изумлению чувствовали себя как бы свидетелями восстановления их плоти по воле Господней.

Михаил Михайлович не "пел" это пророчество, он его возвещал как будто он сам был пророком, свидетелем этого видения, отдавая себя целиком провозглашению Благовести.

Это тем более удивительно, что в данной записи Михаил Михайлович бросает последние слова пророчества как свое конечное исповедание веры, как свой последний вопль, будучи уже ослабевшим болезнью.

Звуковая запись пророчества была осуществлена на пластинке (78 об / мн). Нет сомнений, что запись была произведена в конце сороковых годов.

Мой отец Николай Михайлович хранил эту пластинку как реликвию. Он мне поведал о ее существовании лишь в 70-ых годах, с тем, чтоб я ее переписал на аудиокассете. Как только это стало технически осуществимо, я произвел цифровую запись.

Я убрал ненужные звуки и шипы, только поскольку это не изменяло голоса Михаила Михайловича.

Рукопись, копия которой я представляю в данном издании, несомненно от руки Михаила Михайловича Осоргина, стиль, как и литературный, так и музыкальный, это подтверждает.

*

Восстановил ли он её по памяти или переписал её в России?

После окончания юридических наук в Москве, Михаил Михайлович был мобилизован в начале войны 1914-го года и участвовал в боях на разных фронтах. В 1918-ом году он становится ответственным лицом за эшелоны Красного Креста.

Его деятельность как регента засвидетельствована лишь в 1919-ом году в Ялте, где он занимал важную должность при Белой Армии и одновременно псаломщика при Храме святителя Николая.

После эвакуации в Константинополь в 1920-ом году, Михаил Михайлович перебрался в Баден-Баден, где, как только храм Преображения был заново открыт, он занял должность псаломщика и регента.

Он заново организует также церковную жизнь в Штутгарте, благодаря немалому количеству богослужебных книг, которые у него имелись. Не исключено, что он имел с собой и много партитур.

И так возможно, что Михаил Михайлович смог переписать мелодию пророчества еще в России до конца войны, но никаких доказательств у меня не имеется, чтобы это утверждать.

**

По некоторым другим достоверным мнениям думаю, что М.М.Осоргин мог получить ноты пророчества от архиепископа Сергия (Королёва) Пражского. Он, по некоторым свидетельствам, был любителем церковного пения, и он вероятно имел партитуры пророчества из России. Столица Чехии была в те годы центром, куда съехались лучшие представители русской эмиграции.

Митрополит Евлогий (Георгиевский), будучи тогда во главе русских приходов в Западной Европе, назначил епископа Сергия в качестве викария Пражского. В то же время он приступал в тесном сотрудничестве с Михаилом Михайловичем Осоргиным, к покупке в Париже Свято-Сергиевской горки для духовной потребности русской эмиграции.

Мне кажется весьма вероятным, что митрополит Евлогий сыграл несомненную роль в передаче партитуры пророчества Иезекииля Михаилу Михайловичу.

Торжественное чтение главы пророка Иезекииля на Утрени Великой Субботы стоит особняком в том наследстве, которое нам завещал Михаил Михайлович.

***

Тогда как принято, что чтец начинает в нижних нотах своего голоса, незаметно (или в полу тональности) повышает свой голос и силу, тут мелодия пророчества держится на речитативных нотах, согласно заранее установленной ладовой схеме, неизвестной в русской традиционной практике.

Йохан Гарднер думает, что м.б. речь идет о записи композитором Павлом Григорьевичем Чесноковым пения слышанного им в среде старообрядцев, которые сохранили бы речитативные традиции чтения, исчезнувшие в официальной церкви после раскола Русской Церкви в конце 17-го века.

Я разберу в будущем издании музыковедческие вопросы, которые ставит эта партитура.

Параша на урванъ въ Велик. Судбу
Иезекииль 37, 1-14

1) Про-ро-гес-я-ва Я-е-зе-ки-и-ле-ва зъ-ни-е

Ты стѣна мнѣ ру-ка Гос-под-ня, и воз-ве-дѣ

мя въ ду-стѣ Гос-под-ни, и пос-я-ви мя среди по-ля: 2)

се же бя-ше пол-но кос-я-ей зе-ло-въ-гес-кихъ. И об-ве-

де мя ок-ресъ ихъ о-ко-ло, и се мнѣ-зи зѣ-ло на 3)

ли-цѣ по-ля, и се су-хи зѣ-ло. И ре-зе ко

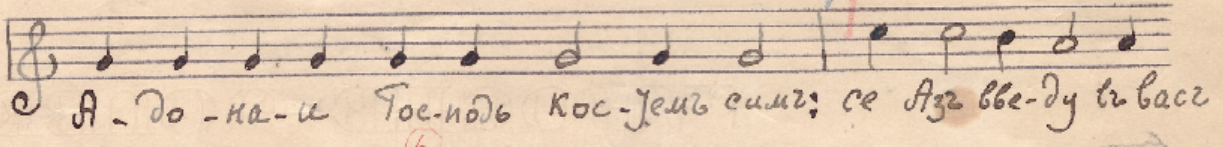
мнѣ: сы-нѣ зе-ло-въ-гъ, о-фи-ву-ѣ ли кос-яи си-я;

4) И ре-ко-хъ: Гос-поди Бо-же, Ты въ си си-я.

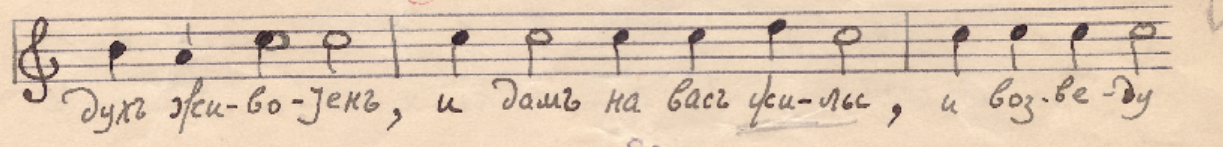
И ре-зе ко мнѣ: сы-нѣ зе-ло-въ-гъ, прор-ци на кос-

5) -яи си-я, и ре-зе-ши мнѣ: кос-яи су-хи-я,

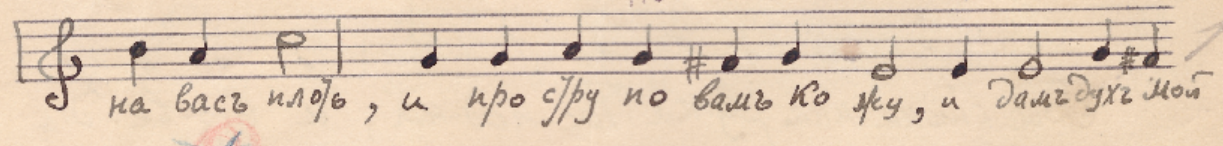
6) слы-ши-ѣ сло-во Гос-под-не. Ве-ла-го-лей-ѣ

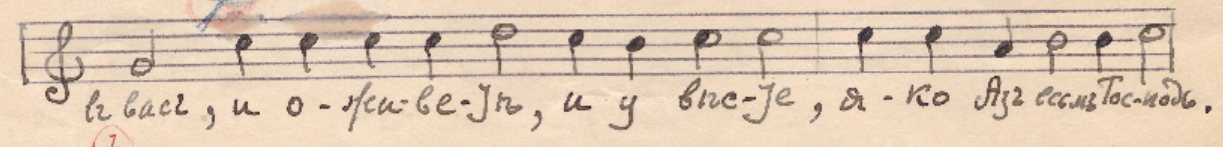
А-до-на-и Гос-подь кос-жель емл; се азъ ве-ду въ васъ

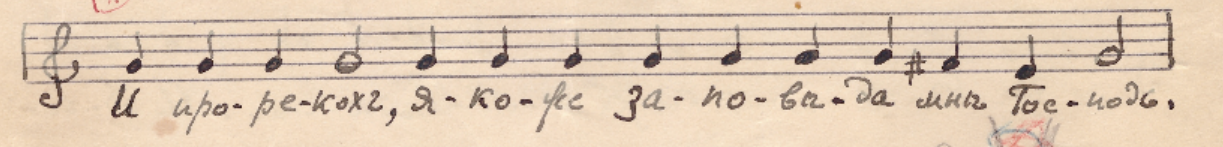
духъ сви-во-жень, и дамъ на васъ сви-льс, и воз-ве-ду

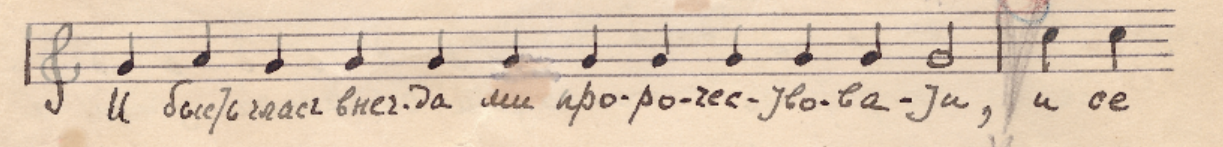
на васъ плоть, и просру по вамъ ко жу, и дамъ духъ мой

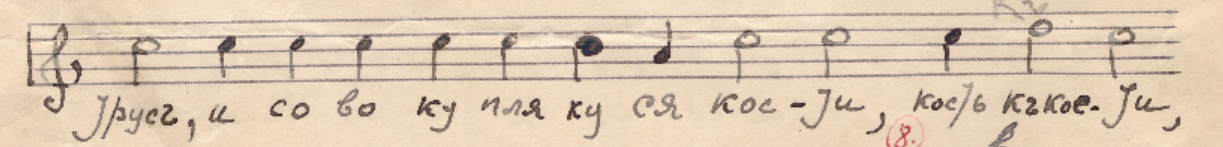
въ васъ, и о-сви-ве-тъ, и у вне-же, а-ко азъ емъ Гос-подь.

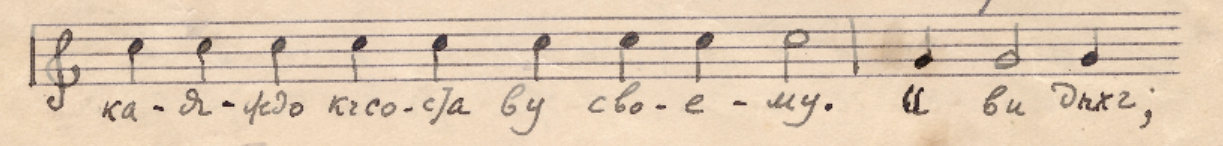
и про-ре-кохъ, а-ко-же за-по-ва-да мнѣ Гос-подь.

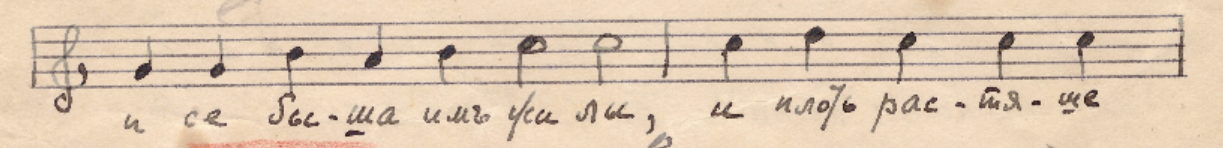
и бжегласъ вездѣ мнѣ про-ро-гес-тво-ва-ти, и се

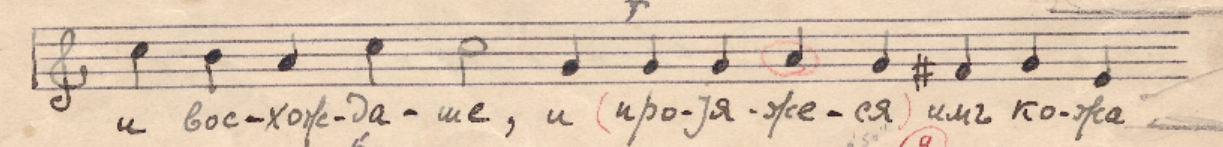
жуеъ, и со во купля ку ся кос-ти, косъ къков-ти,

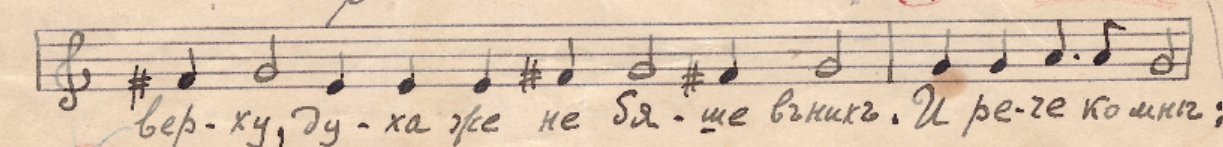
ка-дъ-ждо късо-сѣ ву сво-е-му. и ви дхъ;

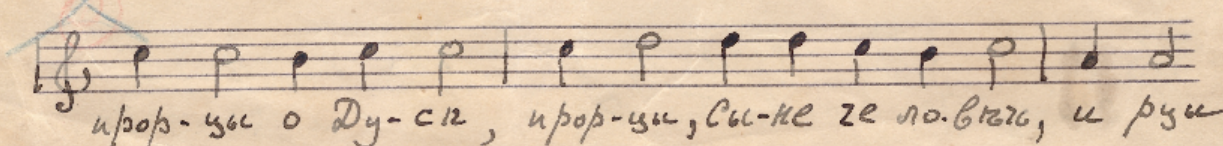
и се Бс-ша мнѣ сви-льс, и плоть рас-тъ-ще

и вос-хождѣ-ше, и (про-я-же-ся) мнѣ ко-жа

бер-ку, ду-ха же не бя-ше въ мнѣ. и ре-зе ко мнѣ;

и рор-ци о ду-си, и рор-ци, си-не зе по-вѣтъ, и рци

Ду-хо-ви: си-я гла-го-летъ А-до-на-и Тос-нодь:

оуъ ге-тѣ-рехъ вѣ-ровъ кри-и-ди, Ду-ше, и вду-ки

на мер-тви-я си-я, и да о-фи-вуръ. И

про-ре-кохъ, а-ко-же но-ве-ле ми: и вниде вгнѣ

духъ фриз-ни, и о-фи-ша, и сѣ-ша на ко-

гахъ сво ихъ, со-боръ много зѣ-ло. И ре-ге Тос-

нодь ко мнѣ, гла-го-ля: Сы-не ге-ло-внъ, си-

я ко-с-и весь до-ш из-ра-и ле-въ е-сѣ, и-и бо гла-

го-лю-г: су-хи бы-ша ко-с-и на-ша, по-ги-бе

на де-р-да на-ша, у-би-ен-ни бы-хомъ. По-го

ра-ди про-р-ци, (Сы-не ге-ло-внъ), и ру-ки к-ни-мъ!

си-я гла-го-летъ А-до-на-и Тос-нодь: Се азъ

о́-вер-зу зро́-ди ва-ша, и из-ве-ду васг о́з

зрoдъ ва-шихг, лю-ди-е мо-и, и вве-ду ви в зем-

лю Из-ра-и-ле-ву. И у-вне-же, я ко Азг

есль Гос-подь, вгнегда о́-верз-жу ми зро-ди ва-ша,

е-фе воз-вее-жу ми васг о́з зро-дъ ва-шихг,

лю-ди-е мо-и, и дамг духг мой в васг, и жи-ви

и бу-де-же. И пос-яв-лю ви на зем-ли ва-шей,

и у-вне-же, я-ко Азг Гос-подь, гла-го-лаю,

и со-во-рю, гла-го-лею А-до-на-и Гос-подь

« Tout le monde reconnaissait que la seule lecture par Mikhaïl Mikhaïlovitch, le Samedi-Saint, de la prophétie d'Ézéchiel dite - des ossements - constituait un exploit personnel et une précieuse offrande de l'Église. »

Père Alexandre Semenov-Tian-Chansky
« Les Mémoires de Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine »
(Paris 1951)

Perspective historique

Je suis heureux de publier l'enregistrement sonore, réalisé par mon aïeul, Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine (1887-1950), de la lecture de la prophétie dite « des ossements » (Ezéchiel XXXVII 1-14), lue dans l'église orthodoxe à l'office des mâtines du Samedi-Saint.

Je mets également à la disposition de l'auditeur la reproduction du manuscrit qu'il avait réalisé de cette mélodie.

Ces documents témoignent de l'implantation en Europe occidentale, au sein de l'émigration russe, de la tradition du chant paroissial et monastique, suite à la révolution bolchévique.

Le métropolite Euloge Guéorguiévsky et Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine sont à l'origine de l'achat à Paris, par la communauté russe, de la colline Saint-Serge où ils fondèrent une paroisse et un institut de théologie.

L'un des rôles de M.M. Ossorguine fut d'organiser la vie liturgique et de faire revivre un nombre considérable de mélodies harmonisées dans les offices qu'il a dirigés de 1925 à 1950 sur la « Sainte-Colline ».

*

En Europe occidentale, jusque dans les années 50, cette mélodie ne pouvait être entendue qu'à l'église Saint-Serge, « interprétée » par M.M. Ossorguine.

La manière qu'avait mon aïeul de déclamer cette prophétie, devant l'icône du linceul du Christ, impressionnait l'assemblée et attirait bon nombre de fidèles tout spécialement à cet office.

D'après les témoignages que j'ai pu recueillir, les auditeurs se sentaient transportés sur le champ couvert d'ossements dont parle la prophétie et assistaient, stupéfaits, à la reconstitution des corps sur l'ordre de Dieu.

Il ne « chantait » pas cette prophétie mais la proférait comme s'il était lui-même le prophète, témoin de la vision. Il s'engageait de tout son souffle, sans retenue aucune.

Ceci est d'autant plus remarquable dans le présent enregistrement que Mikhaïl Mikhaïlovitch, déjà affaibli par la maladie, lance les dernières paroles de la prophétie comme une ultime confession de foi, un dernier cri.

La captation sonore de la prophétie été réalisée en studio et gravée sur disque 78 tours.

Il ne fait aucun doute que la séance d'enregistrement a eu lieu dans les toutes dernières années quarante.

Mon père, Nicolas Mikhaïlovitch, conservait ce disque comme une relique. Il ne me fit découvrir son existence que dans les années 70 afin que je l'enregistre sur cassette audio. J'en ai réalisé une numérisation dès que j'en eu les moyens techniques.

J'ai supprimé quelques artefacts sonores ainsi que « le bruit blanc » dans la mesure uniquement où cela n'altérerait pas le timbre de la voix de Mikhaïl Mikhaïlovitch.

**

Le manuscrit dont la reproduction est présentée dans cette publication est bien de Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine. La graphie, tant littéraire que musicale, l'atteste.

A-t-il reconstitué de mémoire ou copié la mélodie en Russie ?

Après ses études juridiques à Moscou, la Première Guerre Mondiale mobilisa Mikhaïl Mikhaïlovitch sur divers fronts pour devenir, en 1918, responsable des convois de la Croix-Rouge.

Son activité de chef de chœur n'est attestée qu'à partir de 1919, à Yalta, où il occupe la fonction de Gouverneur-Adjoint du District en même temps que chantre-psalmiste à l'église Saint-Nicolas.

Suite à son évacuation à Constantinople en 1920, Mikhaïl Mikhaïlovitch émigre à Baden-Baden où il exerce, dès la réouverture de l'église de la Transfiguration en 1921, les fonctions de chantre-psalmiste et de chef de chœur.

Il réorganise la vie culturelle à Stuttgart, notamment grâce au grand nombre de livres liturgiques en sa possession. Rien n'exclut qu'il ait eu également dans ses bagages un grand nombre de partitions.

Il semble ainsi possible que Mikhaïl Mikhaïlovitch ait eu l'occasion de copier la mélodie de la prophétie en Russie, avant la fin de la guerre mais aucun argument en ma possession ne milite de façon décisive en ce sens.

Une autre thèse, reposant sur des témoignages indirects mais dignes de confiance suggère que M.M. Ossorguine aurait reçu la prophétie-notée de l'archevêque Serge Koroliou (1881-1952) de Prague. Ce dernier, que certaines sources qualifient de zéléteur du chant liturgique, aurait vraisemblablement apporté ou reçu la partition de la prophétie de Russie. La capitale tchèque était alors un centre de convergence des élites de l'émigration russe.

Le Métropolitain Euloge Guéorguievsky, alors à la tête des « Paroisses Orthodoxes Russes en Europe Occidentale », avait élevé l'évêque Serge au rang de Vicaire à Prague en même temps qu'il procédait, en étroite collaboration avec Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine à l'achat à Paris de la « colline Saint-Serge » pour les besoins spirituels de l'émigration russe.

Il me paraît très vraisemblable que le métropolitain Euloge ait joué un rôle déterminant dans la transmission de la partition de la Prophétie d'Ézéchiél à Mikhaïl Mikhaïlovitch.

***

La lecture solennelle du chapitre du Livre d'Ézéchiël, lors des mâtines du Samedi Saint, constitue un cas tout à fait particulier de l'héritage que nous a laissé Mikhaïl Mikhaïlovitch.

Comme le signale le spécialiste du chant liturgique russe Johann von Gardner, la manière de lire est, là, tout à fait inhabituelle dans la tradition russe.

Alors que l'usage veut que, débutant dans le grave de sa voix, le lecteur monte imperceptiblement (ou par demi-tons) l'intonation et la puissance de la lecture, la mélodie de la prophétie s'appuie ici sur des « cordes récitatives », selon un canevas modal préétabli inconnu de la pratique russe traditionnelle.

Johann von Gardner pense qu'il s'agirait d'une transcription par le compositeur Pavel Grigoriévitch Tchesnokov d'une lecture entendue dans le milieu des vieux-croyants qui auraient gardé une tradition déclamatoire disparue de l'église officielle après le « Raskol » (schisme de l'Église russe de la fin du XVIIème siècle).

J'étudierai les questions musicologiques que pose cette partition dans une publication à venir.

Архиепископ Пражский Сергей Королёв
L'archevêque Serge Koroliou de Prague

Священник Александр Семенов –Тян - Шанский
«Памяти Михаила Михайловича Осоргина»
(Париж. 1951)

« Относительно же себя Михаил Михайлович только не раз повторял свое скромное пожелание, чтобы на его могиле были бы написаны слова 145 псалма:

.....Mikhaïl Mikhaïlovitch avait émis à de nombreuses reprises l'humble souhait que l'on grave sur sa tombe le verset du psaume 145 : « Je louerai mon Dieu tant que je serai »

Père Alexandre Semenov-Tian-Chansky
« Les Mémoires de Mikhaïl Mikhaïlovitch Ossorguine »
(Paris 1951)

Ремастеринг регистрации 1949 г.

Remasterisation de l'enregistrement de 1949

<https://youtu.be/Bo7k7JV5MYo>

©2017